

БАШНЯ ТРЕХ ГОЛОВ

СТРАХ

ПАМЯТЬ

ПОРЯДОК

КТО ЗАБЫТ —
ТОТ НЕ БЫЛ

УКАЗ
О ЗАПРЕТЕ
НЕПРАВИЛЬНЫХ
СНОВ

ЕСЛИ ЭТО НЕ ЗАПИСАНО — ЭТОГО НЕ БЫЛО

Виктория Шевнина
БАШНЯ ТРЕХ ГОЛОВ

«Автор»

2026

Шевнина В.

БАШНЯ ТРЕХ ГОЛОВ / В. Шевнина — «Автор», 2026

В столице, где прошлое можно переписать указом, память людей больше не принадлежит им самим. Писарь Мирон фиксирует решения Башни Трех Голов, пока не замечает, что вместе с указами начинает исчезать сама реальность. Люди пропадают из документов, из памяти, а потом уже никто не может точно сказать, существовали ли они вообще. И чем глубже Мирон погружается в Архив, тем яснее становится, что следующей записью может стать он сам.

© Шевнина В., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1. Три головы над столицей	5
Глава 2. О неправильных снах	9
Глава 3. Те, кого не помнят.	13
Глава 4. Человек, которого не было.	17
Глава 5. Следы на снегу.	23
Конец ознакомительного фрагмента.	28

Виктория Шевнина

БАШНЯ ТРЕХ ГОЛОВ

Глава 1. Три головы над столицей

Ночью столица не спала — она притворялась, что спит.

В высоких деревянных теремах гасили огни не ради покоя, а потому что так велел Устав Теней: после третьего колокола нельзя было держать свет без особого разрешения. Человеку, который не замышляет ничего дурного, темнота не мешает.

По притихшим улицам ходили дозорные, медленно, без фонарей, сторонясь лунного света. Их лица никто не помнил, но не оттого, что они были скрыты, а потому что помнить было небезопасно.

Город сидел во мраке, но продолжал жить. Тихо, упрямо, минуя запреты.

За тонкими стенами теремов был слышен детский смех. Где-то плакала женщина. Скрипели ставни. В кабаках, спрятанных в подвальных этажах, пили дешевое пиво и шепотом пересказывали старые сказки, где герои побеждали не мечом, а памятью.

Над улицами висел запах углистой гари, мокрой земли и речной гнили.

Столица была огромной, настолько, что человек в ней давно потерял всякую цену, а горожане скользили мимо, не замечая друг друга. Узкие улицы спускались к шумному торгу, от него к замшелым пристаням, а те обрывались у черной реки, над которой круглый год стоял густой, пахнувший тиной, туман.

В окнах бревенчатых домов, застыли тусклые серые силуэты. На прилавки закрытых лавок ложился пепел, припорошив выставленные напоказ блеклые ткани. Здесь все слишком быстро теряло краски. Даже мечты.

В самом центре столицы, там, где река делала петлю и будто сама себя обвивала, стояла Башня Трех Голов.

Она возвышалась над городом черной громадой, и никто не помнил, как она возникла. Казалось, ее не строили вовсе. Сначала она появилась как черный камень в земле, потом как трещина в небе, затем — стала привычкой. Теперь же была сердцем власти.

Говорили, что в башне живет Змей, но это было слишком просто. Змей не жил, он управлял дыханием страны. И у него было три головы.

Первая голова говорила о порядке, вторая сеяла страх, а третья хранила память. И никто не знал, какая из голов главная: утром они менялись местами.

В ту ночь в Башню вызвали писаря. Не по имени, имена в таких вызовах не использовались. Только роль. Государство намеренно лишало лица и голоса, нет имени, нет и прав.

Мирон стоял у подножия Башни. Снег под его сапогами превратился в серую кашу от вьевшейся золы, копоти и уличной грязи.

Он не помнил, как дошел, ноги сами несли его по знакомым закоулкам. В памяти отчетливо застрял давешний ужин, накрытый сестрой, на редкость тихий, почти без слов. Словно чувствуя, что ночью придет вызов.

Прижимая к груди кожаную сумку с печатями, Мирон задумался, что большинство указов Башни проходило через его руки. Иногда ему казалось, что Башня штампует запреты быстрее, чем кузнецы — гвозди.

Башня возвышалась над городом так, будто не принадлежала земле. Она скорее опиралась на нее по привычке, чем по необходимости.

Рядом с кованными железными воротами, сидел юродивый. Он всегда там был, как будто Башня и он были связаны одной невыносимой шуткой. Стража давно перестала его гнать, здесь безумцев не боялись.

Юродивый посмотрел снизу вверх.

— Писарь, — хрипло сказал он. — Давненько тебя не было, я уж думал, чернила твои высохли.

Мирон поморщился.

— Ты бы поменьше болтал. Пока языка не лишился.

Юродивый улыбнулся.

Во рту у него не осталось зубов. Усы и борода были белы, как пепел. Вместо одежды — лохмотья...

— А я не болтаю. Я вспоминаю.

Мирон сделал шаг, намереваясь пройти мимо юродивого и поскорее миновать ворота, но старик тихо добавил:

— Сегодня говорит Память.

Мирон замер.

— Что?

Юродивый наклонился ближе. От него несло дымом и чем-то затхлым, как пахнет сырая земля в свежей могиле.

— Сегодня головы боятся.

Внутри Башни не было лестниц. Только каменный переход, который казался длиннее, чем сам город. Стены были покрыты письменами, не словами, а исправлениями. Будто кто-то переписывал одну и ту же историю тысячи раз, стараясь уничтожить ее первоначальный смысл.

Мирон попытался сосчитать, сколько же лет он провел в этих стенах. Сначала школа, где суровый мастер за каждую кляксу бил розгами по пальцам. Потом служба, которой он когда-то гордился до дрожи. Но годы шли, и гордость уступила место глухому, слепому подчинению. Смирение стало его броней.

Нижний Архив встретил его запахом воска, ладана и едкими, кислыми чернилами. Здесь хранилась память государства. Именно здесь решалось: что произошло, а чего никогда не существовало. Сотни писарей сидели за длинными дубовыми столами. Все писали одно и то же. И никто не помнил, как было на самом деле.

У самого дальнего стола, где тени сгущались особенно сильно сидел Савва, старший летописец. Когда-то Мирон считал, что Савва знает все тайны мира. Теперь он видел то, что эти знания не дар, а проклятье.

Старик выглядел страшно изможденным. Сутулый, с руками, потемневшими от чернил, с глазами, в которых давно не было сна. Высохшая фигура, была похожа на жуткую статую, вырезанную из того же дуба, что и его стул. Перед ним лежала древняя книга в кожаном переплете, одна из тех, что Мирон сотнями таскал из хранилищ.

— Опоздал, — тихо сказал Савва, не поднимая головы.

— Колокол ударил раньше.

— Колокола теперь всегда бьют раньше, чем нужно.

Мирон сел напротив.

Савва перевернул страницу и отложил в сторону книгу.

На миг Мирон увидел текст. На желтоватом хрупком пергаменте были аккуратные ровные столбцы государственных указов.

— Ел сегодня?

— Алена кашу дала.

— Разве это еда, одно наказание. Вид у тебя, как у дохлой рыбы.

— Спасибо, дед.

— Не за что.

Мирон подумал, что половину своей жизни провел напротив этого стола. Несколько минут в полумраке Архива слышно было только ровный, монотонный скрип гусиных перьев.

Потом Савва тихо, сквозь зубы выругался.

— Опять перекраивают северные списки.

— И что с того? — Мирон даже не поднял головы.

— В прошлых списках значилось три мятежника. Теперь приказные вывели уже семь.

— Значит, сыщики нашли остальных в лесах.

Савва презрительно фыркнул, и от его бороды полыхнуло печной гарью.

— Или тиунам понадобилось их найти. Чтобы оправдать новые казни.

Мирон не выдержал и резко оборвал старика.

— Опять ты за свое, Савва?

— А ты опять делаешь вид, будто все правильно и богоугодно.

— Потому что иначе здесь все развалится, — жестко отрезал Мирон, крепко сжимая пальцы в кулак. — И город, и земля наша захлебнутся в крови.

— Раньше как-то стояло. И без этих черных указов Башни.

— Раньше люди жрали друг друга в голодные зимы, — напомнил Мирон, и голос его опустился до шепота.

— Люди всегда жрут друг друга зимой, парень. Башня просто научилась делать это аккуратнее. Послушными чужими руками.

Мирон поморщился, чувствуя, как внутри ворохнулся ледяной ком.

Он не любил такие разговоры. Они царапали душу, точно осколок ржавого железа.

Последние годы Савва становился все хуже. Раньше старик, как и все книжники, ругался только на лютую стужу, нерадивых учеников, да непомерные цены на ветошь и чернильное сусло. Теперь все чаще — на само государство. И, что пугало сильнее всего, говорил он эти опасные, пахнувшие плахой вещи слишком спокойно.

— Ты бы потише, дед, — пробормотал Мирон, оглянувшись на дальние столы.

— А я не боюсь, устал

Мирон наклонился через стол ближе.

— Савва. Ты сам меня учил, когда я еще малым бегал: порядок всегда важнее человека.

Старик какое-то время, не моргая, смотрел на него своими мутными, слезящимися глазами, а потом неожиданно усмехнулся. Усталой, горькой, почти жалкой улыбкой, от которой у Мирона защемило в груди.

— Да. Учил, — едва слышно выдохнул летописец. — Помню.

Он подтянул к себе книгу, и его узловатые пальцы привычно утонули в чернильной саже.

— Только тогда я был сильно моложе. И куда глупее.

В этот момент почти беззвучно у стола выросла фигура в черном. Без плоти, без знаков, без лица. Таких называли Безликими. Они забирали людей так тихо, будто человек просто переставал существовать. Стражник положил на стол свиток с черной печатью.

Вызов. Наверх. К Головам.

Даже Савва побледнел. Он смотрел на печать так, будто видел приговор.

— Не ходил бы ты сегодня наверх, парень. — Тихо сказал он.

Мирон нервно усмехнулся.

— У меня есть выбор? Назови мне хоть одного, кто отказал Безликим и дожил до рассвета.

Савва наклонился ближе.

— Слушай меня внимательно, сынок. Если Головы начинают говорить о памяти — значит, они чего-то испугались.

Где-то наверху ударил колокол. От него дрогнули стены Нижнего Архива. Сотни писарей за длинными столами одновременно, словно связанные одной нитью, подняли головы и тут же синхронно опустили их обратно. Никто не хотел смотреть вверх слишком долго.

Мирон взял свиток. Руки у него были ледяными, в голову пришла мысль: если Башня прикажет ему переписать собственную мать, он сможет? И ответ пришел слишком быстро. Да. Потому что именно так здесь и выживали. Эта безмолвная покорность испугала его сильнее, чем вызов наверх.

Глава 2. О неправильных снах

Зал Трех Голов оказался тихим.

Слишком тихим для места, где принимаются решения о войнах, голоде и смерти. В центре зала стоял стол без единого угла, не круглый, а живой, будто вырос из каменных плит пола. А над ним неподвижно застыли три силуэта.

— Подойди, — сказала первая голова.

Ее голос прозвучал жутко и ровно, словно ледяной сквозняк. Мирон сделал несколько шагов вперед, чувствуя, как ноги наливаются свинцом.

— Слушай и записывай, — велел Порядок.

— Я всегда записываю, — сдерживая дыхание, ответил он.

— Записывать может любой дурак, — вмешалась вторая голова и в ее голосе послышался змеиный шелест. — Твое перо решает, чему быть.

Мирон почувствовал, как во рту стало горько и сухо.

Третья голова молчала. Но именно от ее неподвижной тени, исходило ощущение, что в Башне затеяли нечто такое, перед чем меркли все прежние запреты, а бывшие казни казались почти милостью.

— В дальних провинциях начались слухи, — ровно выдал Порядок. — Люди снова начали задавать вопросы, вспоминать то, чего не было.

— Вопросы — это болезнь, — отрезал Страх. — Их нужно лечить.

— Или направлять, — впервые сказала Память.

И от этого слова даже тени на стене вздрогнули.

Мирон устремил взор на чистый свиток. Он знал правило: если свиток заполняется слишком быстро, значит кто-то скоро исчезнет.

— Запиши указ, — приказал Порядок.

Мирон взял перо и обмакнул в чернильное сусло. Рука дрожала.

— О запрете неправильных снов.

Он оцепенел, на лбу проступил ледяной пот.

— Простите снов?

— Да, — спокойно ответил Страх. — Люди начали видеть сны, которые не утверждены.

— Это хаос, — добавила Порядок. — А хаос — это худший враг порядка.

Мирон медленно провел первую чернильную линию на свитке. Пальцы сводило судорогой. Впервые за много лет он не различить, шутка это или безумие. Внутренний голос кричал, требуя бросить перо и бежать, но рука продолжала послушно сжимать дерево.

— А если человек увидит не тот сон случайно? — тихо спросил он.

В зале повисла пауза. Мертвая тишина.

— Тогда, — ровно произнес Порядок, — он пересмотрит свое прошлое.

— Или исчезнет из него, — добавила Страх.

— Или станет полезным, — завершила Память.

«Не верь тому, что услышишь первым», — зазвучала в голове последняя заповедь Саввы. — «Они забирают сны, чтобы люди забыли, кем они были до Башни. Полезный человек — это человек без памяти».

Мирон не заметил, как продолжил писать. Рука двигалась сама. Слова ложились аккуратно, как будто всегда там были. И только когда указ был почти закончен, он понял: самое страшное в Башне Трех Голов было не то, что она решала судьбы. А то, что она всегда звучала безупречно.

Когда Мирон вышел из Зала Трех Голов, ему показалось, что воздух снаружи стал тяжелее. Будто Башня что-то ядовитое выдохнула вслед. Все пространство было пустым. Только

далеко впереди, у самого спуска, мерцал желтый свет масляных ламп. Стены все так же покрывали бесконечные исправления: зачеркнутые даты, переписанные имена, уничтоженные жизни.

Мирон шел быстро. Он стремился уйти из Башни раньше, чем услышанное начнет казаться нормальным.

О запрете неправильных снов. Он повторял указ про себя снова и снова, шаг за шагом. И с каждым разом слова звучали все менее безумно. То, как его собственный разум покорно подчинялся Башне, пугало его сильнее, чем сам указ.

В Нижнем Архиве писари продолжали сидеть молча, низко склонив головы над свитками, казалось, даже перья сегодня скрипели тише. Савва все еще был за своим столом. Старик будто ждал его.

— Ну? — тихо спросил он.

Мирон вытер потные ладони о штаны. Руки его дрожали, в горле стоял ком, а в голове беспорядочно металась мысль.

— Они выпускают указ о снах.

Савва закрыл глаза. Он не удивился, только медленно кивнул, словно получил весть о давно предрешенной беде.

— Значит, началось.

— Что началось?

Старик томительно молчал, потом наклонился ближе.

— Ты знаешь, мальчик мой, почему Башня так боится песен?

— Потому что песни разносят слухи, — хмуро ответил Мирон, вспоминая слова наставников.

— Нет. Потому что люди помнят их даже после смерти певцов.

— Сны — то же самое.

Мирон нахмурился.

— Это просто сны. Пустой туман, который исчезает к утру. Как можно запретить то, что неподвластно человеку?

Старик посмотрел на него.

— Нет, Мирон. Сны — это место, куда власть приходит последней.

Где-то наверху снова ударил колокол, но на этот раз коротко, всего один раз. Внезапный звук сдавил грудь сильнее любого шума. Все писари одновременно замерли. Потом один из них, едва слышно. Одними губами произнес:

— Новый указ.

Никто не спросил какой. Все уже знали.

В Архив вошли Безликие. Пятеро. В черных плащах без знаков. Лица скрывали гладкие железные маски без глаз, без ртов, лишённые малейшего выражения. Они двигались тихо и почти бесшумно, словно ночные тени, привыкшие приходить за спящими.

Старший Безликий развернул свиток.

— По воле Башни Трех Голов, — произнес он ровным, безжизненным голосом, — отныне запрещаются сны, способные породить сомнение, страх перед государством, ложную память и смутные образы прошлого.

По Архиву пробежал едва слышный шорох. Ужас скользнул внутрь Мирона через вдох, оставив на языке горький вкус.

Безликий продолжал:

— Всем гражданам предписывается сообщать о: — повторяющихся снах, — снах о прежних временах, — снах о падении Башни, — снах, содержащих запрещенные символы.

Мирон невольно посмотрел на Савву. Старик сидел неподвижно, напоминая древнюю статую. Только, испачканные книжной сажой пальцы, медленно со страшной силой, сжимались на книге.

— За сокрытие неправильных снов назначается исправление памяти.

После этих слов в Архиве стало совсем тихо.

Мирон сглотнул.

Исправление памяти, — эти слова вонзились в него острым лезвием ножа. Башня редко использовала это выражение официально. Обычно люди просто исчезали.

— Они сошли с ума, — еле слышно, прошептал один из молодых писарей.

Безликий медленно повернул голову. И этого движения оказалось достаточно. Писарь побледнел и склонил голову, боясь даже вздохнуть.

— Государство не запрещает сны, — спокойно сказал Безликий. — Государство защищает людей от опасных образов.

Савва очень тихо усмехнулся, в гробовом безмолвии этот звук показался Мирону оглушительным.

Безликий повернулся к нему. Металл маски не отражал ни единого отсвета свечи.

— Старший летописец Савва. Вы хотите что-то добавить?

Старик встал. Впервые за все время, что Мирон знал своего наставника, он увидел в нем не рабское смирение и страх, а неприкрытое презрение.

— Да, — твердо сказал Савва. — Хочу.

В Нижнем Архиве стало так тихо, что слышно было, как со зловещим стуком падает растопленный воск со свечей на дубовые доски столов.

— Когда государство начинает бояться снов, — отчетливо, будто с гордостью, произнес старик, — значит люди еще не принадлежат ему полностью.

Кровь его отхлынула от лица и ноги стали каменными. Никто, никогда, не смел говорить так о Башне вслух. Ему стало страшно за Савву.

Безликий молчал, несколько секунд пустая маска изучала лицо летописца. Наконец, железные пальцы медленно свернул свиток.

— Опасные слова для человека вашего возраста.

Савва устало улыбнулся, в его улыбке читалось равнодушие человека, перешагнувшего край могилы.

— Моего возраста уже вообще не должно существовать.

Безликие ушли так же тихо, как появились, но вместе с ними из Архива будто ушел воздух. Некоторое время никто не двигался, сотни людей сидели, уставившись в пергаменты, боясь подать звук.

Потом писари начали вставать один за другим, молча. Они подходили к полкам и снимали старые свитки, сборники песен, народные сказания, летописи. Все, где упоминались сны, видения или древние пророчества.

Мирон смотрел, как книги складывают в серые ящики для сожжения, и вдруг поймал себя на мысли, что не может себе дать ответ, где заканчивается служба государству и начинается уничтожение мира.

Савва медленно поднялся.

— Идем, — сказал он.

— Куда?

— Я покажу тебе то, что никто никогда не видел. Пока они заняты снами, у нас есть немного времени.

— Савва

— Не сейчас.

Старик говорил резко, почти со злостью. Таким Мирон его еще никогда не видел.

Лестница вела их все глубже во тьму, по крутым, выщербленным ступеням. Туда, где Мирон никогда не был. Туда, где вековая стужа пробирала до самого костного мозга, а стены сужались, грозя похоронить их в каменном мешке.

Глава 3. Те, кого не помнят.

Воздух здесь был сырой и промозглый, с густым привкусом извести и воска. Лампа в руке Саввы потрескивала, и время от времени гасла на долю секунды, будто кто-то нарочно хотел их оставить в темноте.

— Черт — тихо буркнул Савва и снова поднес фитиль ближе к огню. — Опять коптит, сусло порченное.

Свет дрожал по стенам, выхватывая из темноты лица людей, которых давно не существовало. Мирон шел медленно, мимо длинных столов, погасших ламп и писарей, старательно делающих вид, что ничего не происходит.

В дальнем переходе Савва остановился у стены с архивными шкафами.

— Ну, чего ты стоишь, как истукан? Помоги!

— Что ты делаешь?

— То, что должен был сделать много лет назад.

Вместе они отодвинули массивный дубовый шкаф, за ним оказался узкий лаз. Из темноты хлынул запах сырости.

Мирон почувствовал, как затылок налился тяжестью.

— Здесь ничего нет, по планам Архива.

— Правильно, — сухо сказал Савва. — Потому что некоторые вещи Башня хранит так, будто их никогда не было.

Стены в тайном проходе были куда старше, а камень темнее. На железных петлях скрытых дверей, не водилось ни княжьих клейм, ни охранных знаков, ни поясняющих надписей. Только гробовая, звенящая тишина. Савва достал увесистый кованый ключ, который носил на шнурке под рубахой, близко к телу, и со скрипом повернул его в замке низкой двери.

— Осторожно, — едва слышно шепнул старик, увлекая его за собой в темноту. — Береги голову, парень.

Наклонившись, Мирон переступил порог и вошел в потайную комнату.

В дальнем углу стоял стол. На столе покоился чудовищный, массивный фолиант, из потемневшего от времени дуба и иссохшей бычьей кожи, намертво запертой тремя тяжелыми железными замками. От него веяло застарелым тленом, архивным дегтем и подвальным угаром. Кованное железо врезалось в обложку так глубоко, словно сдерживало дикого зверя, готового вырваться наружу и разорвать все живое.

Когда Савва достал из-под кафтана связку ключей и с противным скрежетом повернул их в замочных скважинах, дубовая обложка откинулась с глухим стуком, отозвавшимся эхом в каменных стенах.

Страницы внутри были толстыми, хрупкими и ломались от малейшего неверного прикосновения пальцев. Старый пергамент покрывали ровные, плотные столбцы имен, выведенных безупречно аккуратным, убористым почерком прежних мастеров. Чернила здесь въелись намертво, багровея в слабом свете лампы, точно запекшаяся кровь на теле казненного. Рядом с каждым именем стояли две даты: день, когда человека внесли в перепись Башни, и день, когда его имя навсегда стерли из памяти живых. Напротив этих чисел чернели грузные оттиски восковых печатей, запечатывающие человеческие судьбы навечно. А на полях, словно окончательные приговоры, громоздились короткие, циничные приказные пометки тиунов: «Переписать», «Стереть», «Изъять».

Мирон осознал сразу, открывать эту вещь не стоило. Если подойти ближе, что-то безвозвратно изменится. Не в этой затхлой каморке. В нем самом. Под его собственной кожей.

— Помнишь, когда-то ты мне сказал, что Башня ничего не боится? Ты ошибался, парень. Старик окинул его своим взором и положил ладонь на переплет.

— Вот этого. Книга стертых имен.

Комната под Архивом больше походила на тесный каменный мешок. Воздух здесь давно сгнил, и каждый вдох обжигал легкие, словно глоток жидкого металла. Но дело было не в затхлом духе подземелья — от этих стен исходил холод, какой бывает лишь там, где сама жизнь проиграла войну чему-то безымянному и вечному. Кожа Мирона мгновенно покрылась липким, ледяным потом.

— Садись

— Что это такое?

— Я же сказал. Книга стертых имен.

— Таких не бывает.

— Конечно, не бывает, раздраженно ответил Савва. Поэтому мы стоим здесь ночью, словно два вора в тереме.

У Мирона сбилось дыхание.

— Это список казненных, дед? — сипло выдавил он.

— Нет. Казненных хоронят. А этих никогда не было.

Мирон нервно усмехнулся.

— Люди все равно помнят.

Савва уперся взглядом, казалось, старик видит его насквозь.

— Ты правда так думаешь?

Мирон хотел ответить, но почему-то промолчал.

Летописец перевернул несколько страниц и остановился. Чернила были еще свежими.

— Вот. Аксинья Воронова. Посадская швея.

Мирон нахмурился. Имя показалось довольно знакомым.

— За что ее?

Свеча снова затрещала, на долю секунды погрузив комнату во тьму. Савва провел пальцем ниже.

— Исправление памяти проведено успешно. Родственники претензий не имеют.

Где-то высоко над их головами, пробив толщу камня, глухо ударил колокол. Вековая серая пыль посыпалась с потолка прямо на открытый пергамент.

Мирон дернулся, судорожно прижав к себе сумку с восковыми печатями.

— Они ускорились, — тихо произнес Савва.

— Кто?

— Все три головы сразу.

— Вздор, — почти с пренебрежением произнес Мирон.

Савва резко схватил его за расшитый рукав кафтана.

— Слушай внимательно, парень. Если начнешь замечать пустоты, не пытайся их заполнить. Слышишь? Никогда не пытайся.

— Да о чем ты вообще говоришь? — Мирон попытался высвободить руку, но узловатые пальцы учителя держали намертво.

— О памяти, — старик отпустил его и положил ладони на фолиант. — Самое страшное — не когда человек забывает, а когда он начинает помнить то, чего не было.

Когда Мирон вышел из Башни, над серой столицей уже проступало белесое небо. Снег подтаял, став еще более грязным и рыхлым.

У ворот по-прежнему сидел юродивый. Он грел руки над жестяной банкой, в которой тускло догорали древесные угли.

— А, писарь, — прохрипел убогий, будто продолжил старый разговор. — Что. нашел кладбище без мертвых?

Мирон встал как вкопанный, чувствуя, как снова по телу прошел нервный импульс.

— Ты за мной следишь?

Юродивый громко засмеялся, обнажив пустые десна.

— За вами следит Башня. А я смотрю.

— Чего тебе надо? — Мирон сделал шаг назад, сильнее прижимая к себе кожаную сумку.

Юродивый резко, в одно мгновение оборвал свой безумный хохот и почти шепотом произнес:

— Скоро ты начнешь видеть лишних людей.

К горлу подступила горячая волна раздражения и стиснув зубы, Мирон произнес:

— Опять бредишь, старый хрыч.

— Не спи сегодня лицом к стене, писарь, — убогий снова уставился на свои угли в банке, и его пепельные усы задрожали. — С той стороны тоже иногда смотрят.

Мирон выругался себе под нос и пошел дальше. Но эти безумные слова почему-то остались внутри неприятно занозой.

После подземелья утренний мороз казался почти приятным. Кутаясь в кафтан, он торопливо зашагал вдоль ручья. На Торгу уже всюю закипала жизнь: глухо стучали копыта, скрипели груженные телеги возчиков, а купцы раскладывали утренний товар.

Но чем дальше Мирон уходил к окраине, где стоял дом сестры, тем тише становилось вокруг. Здешний люд жил совсем иначе. Из-за кривых заборов доносился лишь крик петухов, да хлопанье тяжелых дверей. Из низких изб тянуло печным дымом, пахло мокрым хлебом и жареной рыбой. От этих запахов у Мирона свело желудок. Он попытался вспомнить, сколько дней или часов он провел в подземелье, но окончательно запутался во времени. Сейчас он отдал бы любое сокровище за кусок простой полбяной лепешки.

Во дворе под навесом лежали дрова. Из трубы шел дым. Дом сестры был старый, с покосившимся крыльцом. Одна половица в сенях скрипела особенно громко, он всегда на нее наступал. И всегда потом ругался.

Мирон вошел без стука, толкнув увесистую дверь из ольхи.

— Если это вор, бери мешок с мукой, остальное все равно государственное, — крикнула сестра из-за печи.

— Очень смешно, — буркнул Мирон, стряхивая сапоги от снега.

Алена выглянула к порогу и сразу нахмурилась.

— Опять всю ночь в Башне?

— А где ж еще?

— Ты опять грязь втащил.

— Я живу в грязи.

— Отлично, тогда не жалуйся, что у нас дома грязно.

— Не жалуюсь.

— Садись есть.

Внутри было тепло. Даже слишком. После ледяного утреннего тумана этот жар ударил в лицо, укутав запахом печного дыма и ржаной закваски. Печь трещала сухими дровами, на столе стояла горячая похлебка. За ним сидел Матвей и сосредоточенно вырезал ножом фигурку из дерева.

— Дядя Мирон, гляди!

— Опять криво режешь, малый, — Мирон потрепал племянника по густым золотистым волосам. — Нож не так держишь.

— Зато быстро, — шмыгнув носом мальчишка.

Сверху, с печи, из-за холщовой завесы, высунулась заспанная мордашка маленькой Лизы.

— Дядя Мирон! — запищала она, протирая кулачками маленькие глазки. — А ты принес пряник?

Мирон виновато поморщился.

— Забыл. Завтра принесу.

— Конечно, — вздохнула сестра. — Государственный человек. У него все мысли о свитках, да о приказах, куда ему до детей.

Она подвинула к нему миску и отрезала кусок горячего хлеба.

— Ешь, — уже мягче, с заботой, сказала она.

— Небось, как обычно ничего не ел?

Некоторое время слышно было только ложки и потрескивание дров.

— Слышал про Аксиныю? — тихо спросила сестра.

Он поднял голову, держа ложку навесу.

— Какую?

Она притихла, держа нож в руке, которым собиралась отрезать ломоть хлеба. Потом медленно нахмурилась и произнесла:

— Соседку нашу швею, что живет через два дома.

Мирон смотрел на нее несколько секунд, чувствуя, как язык прилип к небу. Он постарался вспомнить лицо этой женщины. Глаза, цвет волос, улыбку, но все вымыло из памяти. Хотя еще недавно видел ее почти каждый день.

Сестра, опустив свой взор, с досадой произнесла:

— Ее вчера увели, на закате, до третьего колокола.

Матвей перестал стучать ножом.

— За сны, мам? — тихо спросил он.

— Не болтай за столом, — резко, сорвавшись на несвойственный ей крик, сказала мать.

Но мальчик все равно продолжил:

— Говорят, ее сыну снилось, будто Башня горела. Синим пламенем, до самого неба.

В комнате стало тихо. В это внезапной, глухой тишине, было слышно лишь как потрескивают дрова в разъяренной печи. Воздух в избе сделался душным, давящим, как в Зале Трех Голов.

Мирон осторожно, стараясь скрыть волнение в голосе, спросил:

— И что теперь?

Сестра монотонно мешала липовой ложкой остывающую похлебку, слушая, как та бьется о края. А потом, не поднимая головы, ответила:

— А ничего. Утром половина улицы уже не могла вспомнить, как ее зовут.

Склепная мерзлота Нижнего Архива нагнала его, точно удар в спину. Кожа между лопатками онемела, а в горле встал сухой ком. Камни, погребенные во тьме, делились своим последним теплом. В сознании отчетливо проступила свежая багровая запись из Книги стертых имен: *«Родственники претензий не имеют. Стерто»*. — Так не бывает.

Сестра повернулась к нему.

— У нас теперь все бывает.

Ночью Мирон долго не мог уснуть. За стеной тихо кашлял Матвей. Скрипели половицы старого бревенчатого сруба. За окном яростно выл ветер, донося с пристаней гнилостный дух черной реки. Он лежал лицом к потолку. Почему-то не к стене. Уже засыпая, в голову пришла странная мысль. Будто в доме чего-то не хватает: не вещи, не звука, а кого-то.

Он резко открыл глаза.

В темноте угасающего очага, ему на миг померещился стройный женский силуэт, словно сотканный из золы и печного дыма. Мирон рывком подскочил вперед, хватая руками пустоту, жадно вдыхая воздух. Никого, только тьма. А потом где-то далеко, за окнами, послышался знакомый хриплый голос:

— Не всех можно стереть одинаково

И Мирон почему-то еще долгое время не решался снова прикрыть веки.

Глава 4. Человек, которого не было.

Утро в доме Алены всегда начиналось одинаково.

Сначала трещали сухие березовые поленья в очаге. Потом глухо вздыхала крышка старого кованного сундука, откуда сестра вынимала свежие беленые рубахи. Затем просыпались дети. И только после этого оживал весь дом, наполняясь человеческим теплом.

Мирон лежал неподвижно, уставившись в потемневший дощатый потолок. Проклятое ночное видение еще держалось внутри тревожным остатком. Из памяти ускользали обрывки, которые он тщетно пытался удержать в памяти: золотисто чьих-то волосы, блик солнца на обнаженной коже и тихий женский смех. Грудь сдавило тоскливой мыслью, будто когда-то он умел быть счастливым. Но в следующее мгновение мысль прошибла разум, «*Запрещенный сон*»! У мирона перехватило горло, а по телу прокатилась ледяная судорога. Если безликие сунутся ему в голову от него не останется и чернильной пыли. Указ уже вступил в силу.

Под ногами, от щелей в полу, тянуло сквозняком и гнилой соломой. За тонкой перегородкой, пахнущей сосновой смолой, Алена уже привычно хлопотала, то и дело бранясь на Матвея:

— Если еще раз пнешь сапоги к печке — будешь сушить их на улице!

— Они сами упали! — огрызнулся мальчишка.

— Сапоги не падают два раза подряд.

В ее утреннем ворчании не было злости, только теплая забота старшей сестры и матери, которой пришлось повзрослеть слишком рано.

Лиза робко захихикала, уткнувшись носом колени.

Обычная утренняя перебранка, которая повторялась изо дня в день, из года в год. Мирон слушал ее и почему-то чувствовал тяжесть под ребрами. Звуки были слишком домашними. Слишком живыми для мира, где за каждым углом дежурили надзорные, где Безликие вторгались в быт и сны, где тиуны безжалостно забирали из дома последнюю рожь.

Он встал, накинул грубую полотняную, исходившую запахом гари, рубаху и подошел к кадушке с водой. Вода в ней застоялась, мутное отражение качнулось. Мирон зачерпнул воду ладонями и попытался смыть остатки гнетущего сна. Из оцинкованного круга на него смотрело лицо, которое в Архивных залах казалось чужим и слишком породистым. Густые русые волосы настырно торчали в стороны. Под нижнем веком залегли темные круги, высокий лоб делал лицо строгим и гордым, а резкий, словно высеченный из камня нос и острые скулы придавали ему ту опасную, благородную красоту, которую не могла стереть даже вечная усталость. И только глаза выбивались из этого облика. Светлые, чересчур ясные, почти мальчишеские. Они никак не подходили красивому, суровому мужчине, который столько лет просидел в Архиве, листая пергаменты, пахнущие чернилами и старой ветошью.

Мирон провел ладонью по колючей щеке. Ему вдруг пришла в голову нелепая мысль: кто-то когда-то любил это лицо. И от этой мысли стало тревожно.

Воздух у очага был теплым и ароматным. Он отдавал свежестью домашнего хлеба, запеченного луком и тлеющими углями.

Алена стояла у стола в старом выцветшем платье из домотканого серого сукна, поверх которого был повязан передник. Косынка сбилась набок, выбившиеся пряди липли к вискам. Она быстро, с силой раскатывала тугое тесто увесистым березовым валиком и время от времени вытирала испачкавшиеся ладони о бедра.

— Чего смотришь, братец? — тихо спросила она.

— Думаю.

— Плохое занятие в наше время.

Матвей уже примостился на краю лавки и тайком совал остатки лепешки собаке, притаившийся под столом.

Лиза заметила Мирона первой. Маленькая, взъерошенная, она посмотрела на Мирона и спросила:

— Дядя, а правда в Башне людей заживо варят?

— Кто тебе сказал такую глупость? — с улыбкой и легким недопониманием ответил он.

— Матвей.

— Я не так говорил! — вскрикнул мальчишка, вспыхнув щеками. — Я сказал — там подземелья есть! Такие, что дна не видать!

— Подвалы везде есть.

— А сосед Пахом клялся, что оттуда по ночам крики слышно. — тихонечко добавила Лиза. — Будто свиней режут, только на человеческий лад.

Алена с маху припечатала валик к дубовому столу, да так что по всей избе разнесся грохот.

— Хватит! — отрезала она.

Дети замолчали. Но детского страха хватило ненадолго. Не прошло и минуты, как Лиза, едва шевеля губами, придвинулась к брату:

— А если Безликий снимет маску — что будет?

— Ничего, — буркнул Матвей.

— Нет, правда, Матвейка!

Мальчишка перешел на свистящий, едва различимый шепот:

— Говорят, у них под масками нет лиц. Башня сначала забирает имя, а потом все остальное, до самой плоти.

У Лизы дыхание перехватило, а глаза стали круглыми, как серебряные гривны.

— Врешь ты все.

— И не думаю. Это потому, что Башня...

Уголок рта Мирона дернулся в сухой, безрадостной усмешке.

— Кто тебе такую чушь наплел, малый?

Мальчишка замылся, скрывшись под засаленный локон волос.

— Один человек в слободе говорил.

— Какой именно?

Матвей неуклюже передернул плечами:

— Не помню я. У него лица не было видно.

На какое-то время, от этих слов за столом воцарилась тишина. Даже Алена перестала двигаться, опустив ладонь в муке раскатанное тесто.

Скудно похлебав остывающей каши, Мирон вышел во двор. Воздух был влажным. С драмки медленно капала талая вода. Где-то далеко за огородами, почти по-весеннему хрипло орали вороны.

Мирон подошел к дровяной куче, поудобнее перехватил топориче и занес увесистую сталь. Удар. Еще один. Березовый чурбак с треском лопнул надвое, обнажив белую, пахнущую морозом сердцевину. Грубый труд успокаивал. Не нужно думать. Не нужно вспоминать. Только груз в плечах, кусачий холод и треск раскалываемых поленьев.

— Ты сегодня не в духе.

Мирон обернулся. Не выпуская топорича.

У кривой калитки стояла Марфа, соседка Алены. Полная женщина с красными, потрескавшимися от стирки, руками и дышащим силой лицом. В руках гремело пустое ведро.

— А ты сегодня любопытная, Марфа.

— Кто-то же должен приглядывать за слободой, баба шагнула на грязный талый наст и ее голос понизился до шепота:

— По темноте опять увели.

Мирон сдвинул брови.

— Кого на этот раз?

Марфа окинула его непонимающим прищуром.

— Как кого? Да вдову с дому, что у мельницы, МIRONушка.

Он промолчал. Имя, губы, глаза. Очертания лица, все стерлось, оставив в голове пустоту.

Марфа заметила это и слегка отвернулась.

— Вот так оно и начинается, — тихо сказала она. — Сначала лицо расплывается, потом затихает голос, будто человек никогда и не родился.

МIRON крепче сжал топориче, так что побелели костяшки.

— Люди не исчезают без следа, Марфа.

— Теперь исчезают, МIRONушка.

Она троекратно перекрестила груди и быстро побрела в сторону своей калитки.

МIRON занес топор для нового удара, но рука одеревенела и опустилась. Холод Нижнего Архива настиг его прямо посреди двора. Он силился вспомнить, куда идти за мукой, но в голове была лишь гладкая стена. Мельница исчезла из его разума, на ее месте остался лишь серый мысленный туман.

К Архиву МIRON шел быстрее обычного.

Снег за ночь схватился крепким настом и теперь похрустывал под ногами. Посад уже наполнялся людьми, точно развороченный муравейник. Возле колодца две женщины хрипло спорили из-за очереди за водой. Молодой подмастерье на плечах волок охапку жердей и едва не повалил в грязь сторбленного старика в дырявом овчинном тулупе. Из распахнутых ворот кузни доносились мощные удары молота по наковальне.

Обычное утро. МIRON шагал быстро, не глядя по сторонам, между дворами, мимо хлебных амбаров, мимо бондарной мастерской, где уже пахло свежей стружкой и распаренным деревом.

У приземистой часовни, прислонившись к почерневшему срубам, сидела нищенка. МIRON видел ее сотни раз, проходя к Архиву. Но сегодня женщина показалась ему чужой. Словно ее лицо вылепили заново. МIRON сморщил лоб, замедляя шаг. Он вдруг осознал, что в его памяти нет вчерашнего дня. Сидела ли эта нищенка здесь прошлым утром? Была ли на ней эта ветошь? Из головы МIRONа исчезло все о ее присутствии. На месте привычных воспоминаний, не было ничего.

У подножия башни сбился шумный люд. Кто-то судорожно прижимал к груди исписанный челобитный свиток, кто-то часами вымаливал разрешение на гостиное имя. Кто-то просто стоял, переминаясь с ноги на ногу на заплыванном насте, комкал в кулаках поношенные суконные шапки.

Ни одна голова не поворачивалась к небу. Будто лишний взгляд на Башню повлечет за собой новую повинность.

У кованых ворот, неизменно подпирая плечом обледенелое основание стены, сидел юродивый. Сегодня убогий обходился без своих обычных выкриков и молчал, грея руки над своей банкой с углями.

МIRON уже собирался пройти мимо, когда старик вдруг поднял голову.

— Не выспался, парень?

— Отстань.

— Опять видел кого-то?

МIRON остановился, чувствуя, как сердце сделало веский, болезненный толчок.

— Что значит — кого-то?

Юродивый ухмыльнулся беззубым ртом.

— Ничего не значит.

И он снова уткнулся безумным взглядом в свои умирающие углы.

В Нижнем Архиве стоял привычный гул. Скрипели перья сухо шуршал пергамент. Как и всегда здесь стоял дух кислых чернил и воска, которые въелись в известковые стены.

Мирон машинально направился к дальнему углу. К Савве.

Всю дорогу от ворот он мысленно готовил пару язвительных слов насчет стариковских сказок и ночных страхов. Но у самой стены его встретила пустота.

Мирон помрачнел, замедляя шаг. В груди защемило. Это было противоестественно. Савва всегда являлся к подземелью раньше остальных, когда свечи еще едва разгоняли ночной мрак.

Пытаясь унять дурное предчувствие, Мирон бросил поношенную суму на свой дощатый настил и принялся разбирать свитки. Прошел час. За ним еще один, отсчитанный мерным капанием воды где-то в темноте переходов. Савва так и не появился.

Наконец Мирон не выдержал, поднялся и шагнул к соседней дубовой плахе.

— Ты старца не видел сегодня? — глухо спросил он.

Писарь мгновенно оторвался от пергамента. Лицо его было блеклым, засаленным от чернильного налета.

— Какого еще старца?

— Савву.

Сосед сдвинул брови к переносице, и на его лбу собрались глубокие морщины:

— Кого-кого?

Мирон раздраженно выдохнул через ноздри, чувствуя, как к горлу подступает кислая слюна:

— Савву, черт тебя побери! Старшего летописца.

От его резкого голоса поблизости заглох шелест бумаги. Несколько человек невольно вскинули головы. В полумраке каморы на их серых лицах читалось абсолютно одинаковое, тупое недоумение.

— У нас отродясь не бывало старшего летописца, — обронил кто-то из глубины комнаты.

— Был, — наотмашь отрезал Мирон, сжимая кулаки.

— Нет.

Мирон затих, чувствуя, как внутри все рушится с глухим, подземным гулом. Сердце сделало бешеный, болезненный толчок и затихло, а по спине, от затылка до поясницы, побежали колючие иглы.

— Савва сидел за этим углом десятки зим подряд! — почти выкрикнул он.

Второй писец уставился на него как на покойника и покачал головой:

— Ты умом рехнулся, Мирон. Здесь всегда стояли архивные шкафы.

Мирон резко развернулся, едва не сбив со стола соседскую чернильницу.

— Какие, к черту, шкафы?

Вся камора уставилась на него с тем тупым, пугающим удивлением, с каким смотрят на бешеного зверя перед убоем. Медленно, уже не веря самому себе, Мирон уставился в полумрак дальнего угла. Туда, где прежде находилось место Саввы.

Там и вправду возвышались дубовые громадины. Массивные архивные шкафы для хранения свитков подпирали низкий известняковый свод. Потемневшее от времени дерево покрывал столь толстый, серый слой пыли, словно к этим полкам никто не прикасался добрую сотню зим. У Мирона онемели губы, а воздух в легких сделался сухим и колючим.

Ведь всего один оборот солнца назад он стоял на этом самом месте. Своими ушами слушал хриплый кашель старца. Своими глазами видел, как узловатые, испачканные чернилами пальцы листали книгу. Он был готов отдать собственную голову на отсечение, что Савва был здесь. Но теперь весь Нижний Архив безмолвно клеймил его безумцем, хороня саму правду о живом человеке.

Несколько долгих, удушливых мгновений Мирон просто стоял тише покойника. Потом заставил свои налившись свинцом ноги сделать шаг вперед.

Писари провожали его спину косыми взглядами. Шелест бумаги вокруг затих. Кто-то перестал писать. Кто-то, наоборот, поспешно склонился над свитком, делая вид, что ничего не происходит.

Мирон подошел вплотную к шкафам. Почерневший от сырости дуб, казался монолитным. В щелях между досками лежала многовековая пыль. Он протянул руку и провел пальцами по глухой створке. На коже остался плотный серый налет. Сердце стучало так сильно, что заглушало скрип перьев.

— Видишь? — негромко произнес один из писарей. — Совсем умом тронулся.

Мирон не повернул головы. Сжав пальцы на кованной рукояти, он с силой рванул толстую дверцу на себя. Петли протяжно закрипели. Из нутра шкафа на него пахнуло горьким склепным духом. Внутри плотными рядами лежали старые свитки. Некоторые настолько древние, что кожа на них растрескалась и почернела.

Никаких следов Саввы. Никаких книг. Никакого стола. Только архив.

Он смотрел внутрь шкафа, пока глаза от сухости не начали болеть. Потом заметил зарубки на внутренней стороне дверцы. Кто-то когда-то отмечал годы. Неровные насечки тянулись длинным рядом. Десятки. Сотни. Самые старые почти стерлись. Мирон медленно провел по ним пальцем. Шкаф стоял здесь давно. Задолго до того, как сам он впервые переступил порог Архива. Грудь сдавило, словно кто-то сжимал железные тиски.

Вчера на этом месте сидел Савва.

Мирон знал это также, как собственное имя. В его ушах все еще стоял хриплый голос, ноздри помнили запах ладана и старых книг. В памяти стояли, испачканные чернилами пальцы наставника. И Книга стертых имен. Мысль ударила его так резко, что он едва не задохнулся. Книга!

Не обращая внимания на косые взгляды испуганных писарей, он резко развернулся и быстрым шагом направился к крутой лестнице. К той самой, которая вела вниз, в самую глубь, под Архив. Туда, где Савва показал ему тайную комнату.

Каменные переходы встретили его привычной, промерзшей сыростью. Лампы горели тускло, разливая по углам длинные тени. Мирон шел размашисто, почти бегом. С каждым шагом в его легких пересыхало, он панически боялся, что память исчезнет раньше, чем он доберется до нужного места. Знакомый изгиб стены, вот место, где вчера стоял дубовый шкаф, скрывавший лаз.

Он окаменел, точно наткнулся на невидимую стену. Перед ним высилась глухая каменная кладка. Монолитная, холодная и абсолютно цельная. Ни единого зазора, ни трещин, ни следа петель или потайного засова. Будто здесь никогда ничего не существовало.

Мирон медленно поднял руку и коснулся холодного камня. Пальцы скользнули по шершавой извести. Сухой, ветхой, намертво сцепившей камни сотни зим назад. Он ударил кулаком по стене. Глухо. Еще раз, в кровь сбивая костяшки. Камень ответил насмешливым эхом. Несколько проходивших мимо писарей удивленно обернулись.

— Что ты творишь? — спросил один из них.

Мирон не обернулся. В его ушах, заглушая испуганный лепет живых людей, зазвучал голос Саввы. Совсем свежий, отчетливый, будто старец стоял за плечом и дышал ладаном прямо в затылок: *«Если начнешь замечать пустоты, не пытайся их заполнить, мальчик. Слышишь меня? Никогда не пытайся».*

Мирон медленно опустил окровавленную руку. Из легких разом вышибло весь воздух. Впервые за все это время он осознал одну страшную вещь. Стерли не только Савву, а все следы того, что Савва вообще существовал. Кроме одного. Кроме него самого. И если Башня узнает об этом — следующей пустотой станет уже он сам.

Глава 5. Следы на снегу.

Снег шел с самого утра.

Небо, затянутое грязно-серой пеленой, сыпало на землю снежную крупу, мелкую и сухую, точно просеянная мука. Снег не ложился пышным ковром, а неопратно лепился к черепице крыши и на плечи редких прохожих, быстро превращаясь под сапогами в грязное месиво. Стужа пробиралась даже сквозь толстые стены, пахнувшие пепелищем.

Грачи давно возвратились из Вырия, возвещая приход весны, но зима цеплялась за землю мертвой хваткой.

Мирон сидел за столом уныло ковыряя ложкой в глиняной миске. Вчерашнее варево с трудом шло в горло, но в эти темные дни приходилось довольствоваться тем, что есть. Рядом с ним, едва дыша от усердия, устроилась Лиза. Ее пальцы были черны от уголька, которым она выводила узоры на потрескавшимся куске бересты. На другом конце скамьи Матвей, прищурившись, ловко орудовал охотничьим ножом. Из-под его пальцев, летела стружка на устилавшую пол солому, а в руках постепенно вырисовывалась деревянная свистулька. Алена месила тесто.

Это было самое обычное утро, каких было и будет еще тысячи. В обыденности происходящего крылась неестественная, гнетущая тишина, будто весь мир сговорился не замечать исчезновение Саввы и той тайной комнаты. Люди не замечали ни запретов Башни, ни исчезновений людей, ни то, что у них не оставалось никаких воспоминаний.

— Нужно купить ржаной муки, — нарушила молчание Алена, не оборачиваясь. Рукава ее платья были закатаны, обнажая хрупкие предплечья.

— Куплю, — глухо отозвался Мирон.

— И серой соли. Мясо уже начинает сдавать.

— Куплю.

— И к Семену зайди по пути.

Мирон поднял голову от миски, на дне которой засыхали остатки пищи.

— К какому еще Семену?

Сестра оцепенела. Ее кулак так и остался погруженным в липкую массу. Из жерла повеяло жаром, но Мирону показалось, что в комнату прорвался сквозняк.

— Ты издеваешься, Мирон? — ее голос звучал жестко.

— Нет.

— К купцу Семену. У которого лавка на площади.

— Не знаю я никакого Семена. В нашей слободе отродясь не было торговца с таким именем.

Матвей перестал строгать. Лезвие ножа застряло в древесине, желтая щепка покачнулась и упала на солому.

Даже Лиза отвела черненький уголь от бересты.

— Дядя Мирон — осторожно позвала девочка. — Ты не заболел? Тебя не лихорадит?

— С чего бы? Я здоров, как бык.

— Потому что дядьку Семена знают все отсюда и до самого Посада, — тихо сказала Лиза, высоко подняв светленькие брови.

Алена с трудом вытащила руки из опары и вытерла липкие пальцы о грубый холщовый передник.

— Через два двора от общинного колодца, — отдельно, будто говорила со слабоумным, произнесла она. — Тот, что торгует сухосоленой щукой и вяленым лещом. Мы берем у него рыбу каждую луну.

— Никогда его не видел, — отрезал Мирон, и его собственный голос показался ему чужим, доносящимся со дна глубокого колодца. — Нет там никакого Семена.

Сестра внимательно смотрела на него. В ее очах, отражавших тусклый свет из узкого окна, застыл неподдельный, дикий ужас.

Потом молча перекрестилась.

Лавки возле общинного колодца действительно стояли три прилавка из потемневших досок. Как и всегда. Только никакого Семена там не оказалось. Вместо него на перевернутом бочонке сидела незнакомая старуха, укутанная в грязную овчинную шубу. Ее сморщенное лицо напоминало высохшую глину, а пальцы, торчавшие из драных перчаток, посинели от лютой стужи. На вопрос Мирона она удивленно заморгала.

— Семен? — переспросила она сиплым, простуженным голосом.

— Да. Семен-рыбак.

— Не знаю никакого Семена. Нет тут таких.

— Здесь была его лавка, — Мирон шагнул ближе, хватаясь за край обледенелого прилавка. — Мы брали у него соленую щуку каждую луну.

— Здесь всегда моя была, — отрезала старуха.

— Всю зиму вяленным лещом торгую. Ладо под рукавицами резко заledenели. Зимний воздух вдруг показался слишком густым, застревающим в легких.

— Всегда?

— Сорок лет, — прошипела старуха.

— С тех пор, как мой покойный муж еще ходил на лодке.

— Но...

Старуха уже отвернулась, потеряв к нему всякий интерес и принявшись раскладывать на соломе серые рыбы тушки. Разговор был закончен. Мирон остался стоять посреди торговой площади, прямой и неподвижный, словно статуя. Сердце глухо стучало в груди, отдавая в висках. Люди обходили его, ворча и толкаясь локтями. Кто-то ругался на чем свет стоит, поскальзываясь на скользком насте. Погонщики тащили тяжелые бочки со смолой. Двое зажиточных ремесленников громко спорили у телеги о цене на чесаный лен, брызжа слюной от ярости. Все вокруг было живым, шумным и настоящим. И только он один во всем этом людском муравейнике чувствовал фальшь.

На обратном пути, когда торговая площадь уже осталась позади, он встретил Марфу. Женщина, согнувшись едва ли не до самой земли, брела по сугробам и несла на спине вязанку сырого хвороста. Из-под ее заношенного серого платка выбивались пряди седых волос, покрытые инеем.

— Мирон! — окликнула она его, остановившись, чтобы перевести дух.

— Здравствуй, Марфа, — почти беззвучно отозвался он.

— Чего хмурый такой, точно покойника обмыл? — она попыталась улыбнуться, но улыбка вышла вымученной.

— Марфа

Он остановился и сам не понял зачем, спросил. Слова сорвались с губ прежде, чем он успел их удержать.

— Ты купца Семена помнишь? Ну, того, что рыбой торговал у колодца.

Марфа осеклась. Вязанка хвороста на ее плечах затрещала.

— Какого еще Семена? — она уставилась на него с чистым недоумением. — Нет у нас никаких Семенов-рыбаков, отродясь не бывало. Хладоба у колодца сорок лет сидит, лещей своих вялит, дай Бог ей здоровья. Ты никак умом тронулся, парень?

У Мирона внутри что-то с треском оборвалось, словно подмытый весенним паводком берег. Озноб прошиб его спину под шерстяной одеждой.

Он молча смотрел на женщину. На глубокие, вертикальные заломы между бровями. На ее покрасневшие, огрубевшие от непосильного труда руки, которыми она крепче перехватила веревку на вязанке.

Она действительно его не знает.

Марфа ушла, с натугой переставляя ноги по раскисшему снегу. Мирон еще долго смотрел ей вслед. Вязанка хвороста покачивалась за ее спиной, пока не скрылась за поворотом между покосившимися избами. Он остался один.

В груди медленно разрасталось неприятное ощущение. Не ужас. Что-то хуже. Будто земля под ногами вдруг оказалась тонким льдом, а треск уже слышен, но провалиться ты еще не успел. Ветер бросил в лицо горсть колючего снега. Мирон выругался и пошел дальше. Сам не заметив, как ноги снова привели его к Башне.

Черные стены возвышались над городом, теряясь в низких, набухших влагой облаках. Казалось, мертвый камень излучал злое колдовство. Снег избегал касаться этих мрачных плит, ложась вокруг серым кольцом.

У ворот сидел юродивый.

Как всегда. Словно не человек, а часть старой кладки. Все та же банка с углями, все тот же безумный взгляд, лохмотья и беззубая унылая улыбка.

Мирон медленно шел к нему, чувствуя, как внутри все сжимается от дурного предчувствия. Навалившаяся чертовщина давила на плечи, и он уже с трудом отличал зыбкую реальность от запретных, пугающих снов, которые Башня выжигала из людской памяти.

Старик грел руки и будто ждал его.

— Опять ты, — проскрипел нищий.

Мирон остановился рядом. Несколько мгновений слышно было только потрескивание углей, да далекий вой ветра.

— Скажи мне кое-что, — с трудом выговорил Мирон.

— Не люблю, — качнул головой Юродивый.

— Что?

— Когда просят сказать прямо, — старик издал короткий сухой смешок, запрокинув голову.

— Прямые слова редко переживают зиму, парень.

Мирон ощутил, как к горлу подкатывает волна раздражения. В этом проклятом мире, где люди исчезали вместе с лавками и воспоминаниями, ему меньше всего хотелось слушать бредни уличного безумца.

— Ты знал Савву, старшего летописца? — спросил Мирон, наклонившись вперед. С каждым словом его дыхание вырывалось густым паром, мгновенно растворяясь в морозном воздухе.

Юродивый задумался. Он сидел неподвижно, уставившись на тускло мерцающие угли, так долго, что Мирону показалось, будто старик уснул или вовсе не ответит. Стены Башни над их головами словно стали еще выше, давя своей мертвой массой.

— Знал, — наконец просипел нищий. Каждое слово давалось ему с трудом, словно он вытаскивал их железными щипцами.

Сердце Мирона болезненно дернулось под плотным сукном кафтана. Облегчение смешалось с паникой, став таким же острым, как снежные крошки, летевшие с ветром в лицо.

— Значит, он был — выдохнул он, едва веря, что его собственный разум не предал его. — Был на самом деле.

— Был, — повторил старик, и его безумная беззубая улыбка на миг исчезла, уступив место мрачной серьезности.

— Тогда почему никто вокруг его не помнит? Словно его имя соскоблили с пергамента старым ножом!

Старик медленно поднес ладони еще ближе к тлеющим углям, почти касаясь их посиневшей кожей. Сморщенные костлявые пальцы заметно дрожали, то ли от промозглого ветра, то ли от подступивших воспоминаний, которым не место в этом мире.

— Потому что человеку мало просто умереть, парень, — тихо, почти шепотом произнес юродивый. — Земля забирает только кости да гнилую плоть. Но Башня научилась брать больше.

Мирон нахмурился, чувствуя, как морок, зародившийся в лавках у колодца, теперь окончательно сковывает его внутренности.

— Что это значит? Говори прямо, старик!

— Бывает, утонет в море рыбак, — тихо продолжил юродивый, и его голос сделался ровным, лишенным прежнего безумного визга. — Но останется его лодка на причале. Останутся сети, жена, малые дети. Люди в корчмах будут поминать его имя за кружкой темного пива, еще много зим, пока сами не сойдут в могилу.

Старик оторвал взор от земли и в упор глядя на Мирона, продолжил:

— А бывает иначе.

Кожа между лопаток стянулась, словно за шиворот швырнули горсть снега. Мирон перестал дышать.

— Некоторые уходят целиком. Когда Башня гасит сны, она гасит и следы. Они вырывают человека из самого времени, корень за корнем, пока память о нем не превратится в пепел. Ты ищешь Савву там, где его уже никогда не было.

Сам не понимая почему, он вдруг вспомнил сон. Тот самый, запретный, за который Башня отправляла на плаху. Воспоминание вспыхнуло яркой искрой: женщина, светлые, как спелая пшеница, волосы. теплая, мягкая ладонь, державшая его руку. И смех. Тихий, едва различимый смех, словно доносящийся до него сквозь толстую каменную стену.

Он судорожно вздохнул и резко, с усилием прогнал это видение, испугавшись собственной слабости. Наверху, в облаках, высились черные зубцы, и Башня могла карать даже за мимолетные мысли.

— Людей не стирают настолько, — упрямо произнес Мирон, хотя собственный голос показался удивительно ему хрупким.

Юродивый посмотрел на него. И впервые за все время их встреч в его взгляде не осталось ни капли прежнего безумия или уличной дури.

Только жалость. Такая, какую испытывают к приговоренному к смерти перед тем, как палач опустит топор.

— Еще как стирают, парень, — прошептал нищий.

У Мирона окончательно стянуло горло. Он попытался сглотнуть скопившуюся горечь, но не смог.

Старик вдруг шевельнулся и кивнул обрубком пальца на его грудь, прямо туда, где под сукном бешено стучало сердце.

— Только не тебя.

— Что? — Мирон сделал полшага назад, едва не поскользнувшись на грязном насте.

— Ты плохо забываешь, — криво ухмыльнулся юродивый, и тень прежнего сумасшествия вновь скользнула по его лицу.

Мирон словил, как сердце начинает колотиться в ребра с удвоенной силой, отдавая глухими ударами в ушах. Ему показалось, что старик видит его насквозь, до самых потаенных, греховных мыслей.

— О чем ты говоришь, старый черт? Что ты знаешь?!

Но юродивый словно не услышал его крика и продолжил:

— Память похожа на сорняк, — пробормотал он под нос, уставившись на остатки тепла. — Жги ее огнем, травы солью, руби под корень Все равно прорастет, когда никто не ждет. Наперекор Башне. Наперекор всему.

Он взял сухую изогнутую палку и поворошил угли. Вверх взлетело несколько искр.

— Иногда через год, — продолжал бормотать юродивый, упрямо вороша палкой серый пепел. — Иногда через десять зим. Иногда через сына.

Мирон остановился, не успев сделать шаг назад. В груди болезненно, со свистом дрогнуло дыхание, словно из легких разом выбило весь воздух.

Старик даже не поднял головы, продолжая неотрывно смотреть в угасающий огонь своей банки.

— Или через жену.

Пространство вокруг Мирона на миг покачнулось, а черные стены Башни поползли в сторону. В этой внезапной темноте на миг возникло женское лицо. Тонкие черты, размытые, неясные, но до безумия, до крика родные. Кожа на щеках горела от призрачного тепла. Он судорожно моргнул, растерев лицо замерзшей ладонью. Видение исчезло, оставив после себя лишь горький привкус.

— У меня нет жены, — выплюнул Мирон.

Слова прозвучали слишком быстро. Слишком резко. В них было столько яростной защиты, что они больше походили на удар щитом, за которым скрывался дикий, первобытный ужас.

Юродивый тихо, дребезжа усмехнулся, и этот звук был похож на шорох листьев.

— Конечно нет, — проскрипел старик, качнув головой.

Он посмотрел Мирону прямо в душу и тихо добавил:

— Как и Семена. Не ищи мертвых, писарь. Ищи пустые места. Там они обычно прячутся.

Ветер с яростным стоном ворвался в кованые ворота, взметнув с земли грязную снежную пыль и заставив угли в железной банке вспыхнуть на мгновение зловещим алым светом. Юродивый снова отвернулся, уставившись в тускнеющий огонь, и больше не произнес ни слова.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.